

Формирование образа советской женщины в 20–30-е гг. XX в. (по материалам публикаций журнала «Работница»)

Е. В. Болотова

аспирант кафедры культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-5506-7892. E-mail: pineapples.in.champagne@gmail.com

Аннотация. В статье используется гендерный подход к изучению нового «советского человека». Речь идет о властной модели советской женщины в отечественной журналистике 1920–1930-х гг. Основоположниками гендерного подхода являются Роберт Столлер и Симона де Бовуар. В современной российской действительности среди авторов, работавших в области гендерных исследований, особое место занимают труды Е. Р. Ярской-Смирновой и Н. Л. Пушкаревой. Концептуальные подходы данных авторов стали методологической основой исследования. Автор посвящает свою работу детальному рассмотрению гендерных аспектов идеологических образов, формировавшихся агитацией и пропагандой в 20–30-е гг. XX в. В частности, акцент сделан на генезисе и эволюции образа «настоящей советской женщины» в журнальных публикациях. Историческими источниками для исследования послужили статьи в подшивках журнала «Работница» за период с 1925 по 1935 г., одного из самых массовых периодических журналов того времени. В этом издании подробно рассматривались темы, связанные с жизнью женщин в послереволюционное время, когда складывались основные элементы сталинской авторитарной системы, когда вырабатывались культурные и стилистические особенности советского образа жизни. Интерпретация журнального дискурса показывает, что советская женщина – это прежде всего публичная женщина в хорошем смысле этого слова: делегатка, работница, посетительница собраний и библиотек, член партийной ячейки, т. е. активный социальный индивид, освобожденный от угнетения и предрассудков прошлого. Она трудится на благо людей, которые помогли ей почувствовать себя «человеком» и важной частью коллектива. Таким образом, власть, через журнальные публикации, стремилась сконструировать культурную норму, следование которой устанавливало новый гендерный порядок в рамках существующего политического режима.

Ключевые слова: советская история, гендер, властная модель, женщина-работница, агитационная литература.

Представленная статья посвящена генезису и развитию образа «советской женщины», реализованному в 20–30 гг. XX в. Именно в этот период наряду с такими понятиями, как «пятилетний план», «перестройка» и «рабочий класс», в дискурс власти входит еще одно, ранее не востребованное и обойденное вниманием, – «советская женщина». Уточним, что само слово было запущено в оборот в конце 20-х гг. Власть рассматривала «советскую женщину» как полезный ресурс, подлежащий утилизации в ходе социалистической реконструкции. Образ женщины стал рельефно прорабатываться в пропагандистских изданиях, из которых наиболее релевантным по отношению к целям нашего исследования является журнал «Работница», издаваемый ЦК ВКП(б).

В подшивках журнала «Работница» 20-х гг. XX вв. немало характерных для своего времени текстов и изображений, формировавших поэтизированный образ советской женщины. Однако начать бы хотелось именно с этих строк:

*На плечах из черной кожи куртка,
голова повязана платком...
Женщина решила не на шутку
старый быт перевернуть вверх дном.
И в семье, на фабрике все резче
пробивает новые пути:
Перед мужем в страхе не трепещет,
не несет попу свои грехи...
Не стоит в тоске без дум у печи,
не скорбит, как прежде, за станком.
Знает – нет того, что гнуло плечи
под хозяйским криком и кнутом... [26, с. 3]*

Незамысловатая прозрачность стихотворения отчетливо демонстрирует то, как именно в 20–30-х гг. XX в. в советской России конструировался образ новой советской женщины. Он строился как отрицание и преодоление темной, забитой, бесправной «кухонной рабыни». Их оппозиция непримирима – каждая женщина либо реализовывала шанс стать «советской» и «передовой», либо именовалась «отсталой», если не хотела изменений и продолжала жить, как прежде.

Черта, отделяющая «отсталых» от «передовых», была обозначена весьма конкретно: женщина, желающая изменить свою жизнь, должна была пойти работать на производство. Именно начало трудовой деятельности подразумевало переход от состояния угнетения к «освобождению». Однако, прежде чем анализировать пропагандистский образ «советской женщины», нам необходимо выяснить истоки его появления. Прежде всего, следует обратиться к тому, как образ работающей женщины трактовался в дореволюционной российской культуре.

Женщина и работа по найму в традиционной российской культуре

Обобщая выводы, сделанные в современной литературе по данному вопросу, можно утверждать следующее: в дореволюционной России традиционная роль женщины ограничивалась стенами ее собственного дома, где она была женой и матерью. Несколько иначе обстояло дело с обитательницами городов. «В широких слоях городского населения работающая женщина вплоть до 1917 г. продолжалась считаться явлением ненормальным... Несмотря на то что работающих по найму женщин в провинциальных городах в начале XX в. было довольно много, такой труд воспринимался как вынужденная крайность» [7, с. 43]. Если женщина работала, то, как правило, это подразумевало предельную бедность ее семьи – она выходила работать по найму, чтобы обеспечить себе кусок хлеба. Иногда домашней работницей (кухаркой, стряпухой, горничной) становилась супруга мужчины, который уже прислуживал в доме. Подобные семейные пары занимали невысокое положение в обществе, имели низкий уровень доходов, часто работая за кров и еду. Так или иначе, образ работающей женщины в городской среде приравнивался к образу несчастной женщины.

Однако были примеры, когда отдельные представительницы образованного класса сами стремились посвятить себя труду выбирая, например, профессию учителя. Подобный выбор тоже воспринимался как девиантное поведение. В общественном сознании учительница – это унылая старая дева, не способная реализовать себя «как положено» – в браке.

Так или иначе, вплоть до 1917 г. *работа* для женщины подразумевала лишь понижение статуса. Кроме того, в традиционной российской культуре бытовало убеждение, что «женщина, в одиночку вышедшая в общественное, публичное пространство и самостоятельно действующая в нем, – это публичная женщина, на которую может претендовать каждый» [7, с. 44]. Одним словом, дореволюционная эпоха наделяла образ трудящейся женщины негативными коннотациями. В послереволюционную эпоху, под влиянием дискурса власти, происходит трансформация женских образов в культуре. Попытаемся установить, почему и как это было сделано.

Образ работницы 20-х гг. XX в.

В начале очередного цикла индустриализации (во второй половине 1920-х гг.) одной из принципиальных государственных задач становится мобилизация всех трудовых ресурсов, в том числе – привлечение женщин в промышленность. Следствием этого стало качественное преобразование всего ценностно-нормативного порядка, кардинально изменившее роль женщины в обществе, ее поведение, повседневные практики и даже внешний облик. Главным маркером произошедших изменений стало утверждение женщины в публичном пространстве, позитивно оцениваемое общественным мнением. И прежде всего было необходимо переломить негативное отношение к работающей женщине, наделять её образ положительными характеристиками.

Советская агитационная литература избрала принцип контраста «До и после изменений», который был способен максимально просто и понятно донести до «малообразованного народа» необходимость перемен. Прежде всего, создавался обобщенный образ несчастной женщины дореволюционного периода, который бы нашел эмоциональный отклик в душе каждой, и, во-вторых, на смену ему был предложен новый, «усовершенствованный» вариант – «труженицы», «общественницы». В популярном журнале «Работница», одном из первых гендерных журналов советского времени, формировались канонические представления о советской женщине в культуре.

«Жила как скотина»: исходный образ женщины в советской печати

В подшивке журнала «Работница» за 1930 г. есть следующее характерное признание: *«Жилось мне плохо, всем я была чужая. Я даже не знала, для чего существует советская власть и как выполняется пятилетний план. Словом, жила, как скотина, не понимала, для чего и сама живу на свете»* [4, с. 12]. Автором этих слов была женщина, только что вступившая в партию и ставшая советской активисткой. Вполне вероятно, что текст подвергся значительной редакторской правке.

Это «скотское» состояние редакторы журнала объясняют целым комплексом бытовых, трудовых и социальных «отсталостей», не пускающих женщин к «светлому будущему». Попытаемся рассмотреть эти факторы социальной депривации.

Прежде всего, женщину угнетает безграмотность. Это постыдная характеристика для советской женщины, которой создали все условия для саморазвития и спасли от унижающей работы. Например, вот одна из тысячи подобных историй: *«Я родилась в деревне. С десяти лет ушла в город на заработки. Жила в прислугах. Учиться не могла. Так и жила слепой до 53-х лет»* [25, с. 16]. Если раньше такой путь был единственно возможным для простой девочки из бедной семьи, то в условиях советской власти не воспользоваться возможностью обучения приравнивается к тому, чтобы добровольно лишиться себя радостей новой жизни.

Редакция журнала постоянно напоминала в своих статьях, что необразованность преграждает женщинам путь в ряды квалифицированных рабочих и закрывает перед ним все двери дальнейшего профессионального роста. Вот один из ярких примеров, опубликованных на страницах журнала: *«Выдвинули одну работницу на более квалифицированную работу в ситцевый отдел тверской “Пролетарки”. Пришлось ей записывать выработку, а она неграмотная. Что делать? Опять в уборщицы идти?»* [19, с. 16].

Следующий угнетающий фактор для женщины – это *ее семья*, как бы странно это ни звучало сегодня. Фактор был комплексный, он включал три основных момента: «бытовое закрепощение» (выраженное в обилии домашних обязанностей женщины), господствующая роль мужчины в доме («мужнин произвол»), а также обслуживание детей.

Рассмотрим образ мужчины, собранный на основе писем читательниц. Прежде всего, в них подчеркивается его превосходство над женщиной – он всегда остается свободным и независимым, в то время как воля всех остальных членов семьи (жены и детей) полностью в его власти. Как утверждают сами женщины, *«корни прошлого глубоко сидят в нашем быту, зачастую муж проявляет себя жестоким “господином” в семье, пренебрежительно смотрит на жену»* [21, с. 12].

Особую окраску образу мужчины в семье придает его «неотесанность», необразованность и некая дикость. Это находило свое выражение в рутинном домашнем насилии, вызывавшем постоянный страх и чувство зависимости: *«Я терпела пять лет побои и издевательств. Но развода боялась: нехорошо, зазорно жить детям без отца, а жене без мужа... К тому же страшила нужда»* [21, с. 12]. И еще раз: *«Старый домашний быт еще крепко держит их в плену, а материальная зависимость от мужей во многих случаях лишает самостоятельности»* [21, с. 12]. Мужчины имеют возможность ходить на собрания и участвовать в общественной жизни, а женщина вынуждена оставаться дома, потому что обед за нее никто не сварит.

Но главной причиной угнетения для женщины являлись *ее собственные дети*: *«Пока детей не было, жили мы с мужем хорошо, интересно, ходили вместе на собрания, в театр. Но теперь у нас двое ребят, с ними уж никуда не пойдешь, поэтому я, кроме рогаца и корыта, ничего не знаю»* [10, с. 12].

К уже названным факторам депривации добавлялась *укорененная религиозность*. В первую очередь церковь отнимала у женщины слишком много времени на исполнение религиозных ритуалов – воскресное утро, проведенное в церкви, передовая ткачиха могла бы потратить на производстве (в условиях непрерывной пятидневной рабочей недели выходной не совпадал с воскресеньем). К тому же, как утверждают редакторы советской агитационной печати, всякий престольный и двунадесятые праздники сопровождалась повальным пьянством – в рабочих слободах так же, как в деревне: *«Стоном стонет пьяная деревня во все религиозные праздники: брань, похабные песни с вечера до утренней зари раздаются над селом. Пропивают последние гроши, тащат последний хлеб»* [5, с. 5].

Такая атмосфера является угнетающим фактором для женщины, стремящейся стать достойным членом социалистического общества. Неискореняемая религиозность являлась постоянной темой журнальных рубрик «Всем напоказ» как в прозе, так и в стихах: *«Здесь шах-*

тер на женработу попросту махнул рукой, и шахтерки по субботам в церковь шествуют гурьбой, и плодятся богомолки вместо красных-то творцов. И смеется втихомолку шайка черная "отцов"!» [10, с. 26].

Все это усугублялось образом бытовой **грязи и неряшества**. В письмах читательниц, лишенных благ новой жизни, периодически встречаются следующие упоминания: «В коммуне женщине живетсЯ гораздо лучше... и дети там воспитываются в чистоте, в опрятности, а не как наши – в грязи да навозе» [6, с. 5]. Те, кому удалось вырваться из удушающих тисков прошлого, с содроганием вспоминают свою жизнь до советской власти: «Переехала я в новую квартиру (пишет ударница, получившая повышение по службе и новое жилье. – Е. Б.) Все так чисто, непривычно. Кажется, что я в больнице и скоро придется уходить опять в казарму, в грязь и темноту... Казарма осталась в памяти мрачным и жутким застенком, как и вся наша жизнь до революции...» [8, с. 12].

Но все же основная «грязь», порочащая жизнь советской женщины, вовсе не в быту и гигиене – грязь **в старом устройстве общества**, в котором они «задыха[лись] в темноте и невежестве» [6, с. 5]. Главным фактором депривации выступает отсутствие смысла жизни и непонимание цели своего существования. Но благодаря советской власти каждая женщина может почувствовать себя важным членом общества: «Долго я ничего этого не понимала. Жила и все о своих личных делах думала. И скучно мне жилось...» [22, с. 23]. Женщина жила «как скотина», потому что была отчуждена от трудового коллектива и социалистического строительства и, как следствие, «лишена того света культурной жизни, с которым соприкасается работница, ярко переживая события вместе со своим производством» [24, с. 23].

Помочь всем необразованным женщинам стать достойными гражданами своей страны был призван журнал «Работница», который «выращивает из среды отсталых женских масс активных участников нашей стройки, подготавливая их для большой государственной работы» [2, с. 23]. Благодаря ему происходил процесс искоренения невежества и выход женщин из «темноты». Вот что рассказывают читательницы журнала: «Выписала для выкроек, а стала читать статьи, и глаза у меня раскрылись» [22, с. 23]. В дальнейшем каждая «выращенная» из отсталой среды гражданка считала своим долгом помочь и другим женщинам начать новую правильную жизнь: «Работницы и домохозяйки, читайте и укрепляйте журнал "Работница". Он поможет вашему культурному и политическому росту» [22, с. 23].

Таким образом, журнал «Работница» представляет нам нечто вроде самоотчета женщин, еще не воспользовавшихся «завоеваниям Октября». Выглядит такая женщина удручающе: одинокая, угнетаемая мужем, церковью и детьми, не видящая выхода из окружающей ее грязи, лжи и пьянства. Ей скучно – и одновременно вздохнуть некогда. Она стремится к свету – но не находит его – если, конечно, подруга не сунет в руки «Работницу». Мы видим историю Золушки в той ее части, где ее еще не навестила фея-крестная. Но в руках у нашей героини – как залог грядущей новой жизни – советский журнал.

Начало «новой жизни»

Переход женщины к новой жизни, то есть изменение культурной нормы, описывалось в агитационной печати как перевоплощение и чуть ли не перерождение. «Сейчас моя жизнь совсем не похожа на прежнюю, живу я как в родной семье, – все мне стали близкими, и я не чувствую себя чужой» [4, с. 12]. В некоторых случаях окончательный отказ от прошлого угнетенного состояния сопровождался дополнительными ритуалами. «В Дубровском Делегатском пункте старые делегатки показали, что они работали не зря. На одном из собраний три делегатки сняли свои чепцы, порвали их и зачесали волосы по-современному. Эти чепцы являются старинным обрядом женщины нашего района. Передовые делегатки сбрасывают их как символ гнета. Тут же, на собрании, четыре делегатки подали заявления о приеме в партию» [15, с. 17]. В этом примере с особым пафосом представлен переход женщины из «темноты и невежества» к радостям свободной и осмысленной жизни. Сбрасывание чепца и изменение прически можно соотнести с традиционными русскими обрядами, сопровождающими переход женщины из одного статуса в другой. Так, например, изменение прически и головного убора было обязательным элементом для перехода невесты из состояния девичества к статусу замужней женщины, зависимой от своих новых обязанностей. Как отмечают антропологи, «именно эту зависимость должен отражать центральный момент обряда – перемена головного убора, – он оформляется, как плач по девичьей воле» [12]. В случае с делегатками мы видим своеобразную инверсию ритуала, когда, освободившись от головного убора и традиционно принятой прически, девушки возвращают себе волю.

В одном из писем в редакцию читательница рассказывает о том, что для нее значил этот переход. *«Теперь моя жизнь очень изменилась. Я второй год работаю на производстве. Узнала о новой жизни. Хожу на собрания, кончила ликбез, научилась читать и писать. Выбрали меня делегаткой, работаю в секции РКИ и в других комиссиях участвую. Как могу помогаю советской власти. Подписываюсь на все займы»* [4, с. 12].

Но как бы красочен ни был пропагандируемый образ передовой работницы, чтобы его достичь, нужно было совершить серьезный шаг как в прямом, так и в переносном смысле. Во-первых, для принятия нового образа нужно было отказаться от всех своих прежних представлений о роли и месте женщины в обществе, а во-вторых, выйти из домашнего круга и отправиться на производство.

Даже для того чтобы пропаганда (к примеру – журнал «Работница») оказала свое влияние на «закрепощенную» женщину, необходим был посредник, который бы смог рассказать и объяснить ей, на своем примере, что к чему. Да просто дать ей журнал в руки, в конце концов. Ведь сложно представить ситуацию, когда одним прекрасным утром женщина вдруг оставляет свои домашние заботы, веками сформированные обязанности, выходит из дома и отправляется на строительство новой жизни.

Несмотря на значимость выхода из домашнего пространства в публичное, этот этап практически не представлен в исследовательской литературе. В большинстве своем авторы подразумевают его как само собой разумеющееся следствие общей действующей пропаганды и не акцентируют на нем особого внимания.

Однако давайте попробуем подробнее рассмотреть этот сюжет. Невзирая на то, что как таковой путь перехода к новой норме в рамках идеологической политики не предусмотрен, в агитационных текстах все же присутствуют сюжеты, подсказывающие советским гражданам, кто ответственен за их приобщение к новой культуре.

Драйверы

В различных источниках можно обнаружить несколько вариантов того, как осуществлялся данный переход. В материалах журнала «Работница» чаще всего в роли таких посредников (которых можно назвать *драйверами*¹) упоминаются женщины-общественницы, которые уже успели ступить на путь освобождения и строительства новой жизни. *«Не только самим делегаткам нужно ликвидировать свою неграмотность, перевоспитать себя, сделаться грамотной, культурно развитой, но и научить окружающих»* [3, с. 16]. Но этим общественникам, в свою очередь, тоже нужен был свой драйвер.

Агитационная литература на эту роль назначала прежде всего мужа женщины. В «отобранных редакцией» письмах есть текст от товарища А. Анилова следующего содержания: *«Я выписал журнал “Работница” для отсталой и малограмотной жены. Мне хотелось, чтобы она знакомилась с текущей политикой партии, чтобы журнал подтолкнул ее на ликвидацию малограмотности, сделал из нее полезного участника в строительстве нового быта. Упорной работой по перевоспитанию жены, искоренению обычаев и привычек староверческой семьи, сохранившихся у нее, я добился заметных результатов. Жена начинает усваивать новое, даже иконы перенесла в кухню, обещает скоро снести их на чердак»* [1, с. 18]. Подобные практики широко поощрялись в статьях журнала под лозунгами «Рабочим надо помочь своим женам» [23, с. 17].

Посредничество мужа в эмансипации женщины представлено и в художественной литературе периода 30-х гг. В повести Д. Донской, опубликованной в журнале, в финале главный герой говорит своей растерянной и запутавшейся жене: *«Я научу тебя понимать... Только захоти... я тебе все растолкую, и когда станет нам жить намного легче, поведу тебя в клуб, на собрание, и ты все поймешь, ты увидишь, что нам, рабочим, нужно там бывать и все знать, чтобы строить будущее... Тогда будешь ходить на делегатские собрания в женотдел. Только бы ты перестала грызть меня и тянуть за душу, только бы ты захотела понять нашу настоящую правду... Он обнял ее и заглянул ей в глаза, в которых трепетала и светилась новая жизнь. И с буйной радостью почувствовал, понял, прочитав в ее взгляде, что она хочет этого крепко и твердо»* [16, с. 19]. В этом примере особое внимание стоит уделить и появлению нового образа мужа – образованного, понимающего, стремящегося «вытащить» свою женщину из тьмы прошлого и открыть ей новый путь. Это своеобразный идеал мужчины для «советской женщины» – порядочный и ответственный работник, который не удерживает свою жену в избе, не проявляет себя как домашний тиран и диктатор.

¹ *Om to drive* (англ.) – доводить, приводить.

Однако возникает вопрос, ради чего мужчине жертвовать традиционным домашним укладом, при котором женщина всегда находилась в семье, вела хозяйство и посвящала себя заботе о близких? Советская агитационная литература утверждала, что вопреки патриархальной традиции мужчина сам должен был быть заинтересован в том, чтобы его жена вышла за пределы семьи. Со страниц «Работницы» неоднократно озвучивался тезис о том, что не подобает передовику производства иметь «темную» жену. Как отмечают исследователи, именно мужчина-работник должен был стать основным рычагом воздействия на свою «отсталую» семью. «...в семье именно он осуществляет цивилизаторскую и модернизаторскую функцию. В силу своей большей грамотности (образование мужчин в предреволюционной России было выше, чем у женщин) и преданности делу революции именно он должен просвещать “темную” женщину» [13, с. 257].

Третьим предположительным драйвером-посредником между женщиной и «новой жизнью» могли выступать ее дети. Со второй половины 20-х гг. государство ведет довольно сложную и драматичную борьбу с детской беспризорностью и за освобождение ребенка из-под родительской власти. Овладевая грамотностью в рамках школьной программы, дети могли пристыдить мать за ее «темноту и невежество» и подтолкнуть к обучению. Яркой иллюстрацией к этому процессу является известный плакат Елизаветы Кругликовой 1923 г. «Женщина! Учись грамоте!», посвященный ликвидации неграмотности.

Он изображает традиционный быт, посреди комнаты находится женщина, поза которой говорит о растерянности и беспомощности, а перед ней – фигура девочки с книгой, ниже текст: «Эх, маманя! Была бы ты грамотной, помогла бы мне!» Дело в том, что набожная и безграмотная мать являлась недостойным родителем для своих образованных детей, вступивших в пионерскую организацию и активно подхвативших лозунги Советского государства.

И тем не менее, допуская все описанные варианты, остается вопрос: каким образом это могло так кардинально повлиять на вековой уклад жизни русской женщины? Остается только предположить, что новыми работницами большей частью становились юные девушки, проходившие социализацию в условиях советского времени и еще не обремененные домашним бытом. Ведь как утверждали лозунги Страны Советов, Советское государство – это молодое государство, это «молодым у нас везде дорога»², а следовательно, и строительством этого государства должны заниматься молодые, здоровые и сильные люди, не отравленные жизнью царской России. Такое предположение кажется довольно убедительным, если учесть что только после 30-го г. женщины стали значительной частью рабочей силы на производстве. По прошествии этого времени новые лозунги и практики вполне могли подхватить девушки, прошедшие социализацию в первые годы советской власти.

² Строчка из «Песни о Родине», написанной композитором Исааком Дунаевским для кинофильма «Цирк» (1936 г.).

«Жить стало веселей»: работа как освобождение и обретение статуса

Завершающим звеном пропаганды была задача создать на контрасте с описанным образом угнетения образ «новой женщины». Обретение нового статуса сопровождалось целым рядом формальных и реальных изменений в жизни женщин. Давайте теперь подробнее рассмотрим, что именно подразумевали упомянутые «освобождения» и перемены в жизни советской женщины.

Первое из них – **освобождение от «тьмы», то есть безграмотности.** Вот одно из множества подобных писем в редакцию журнала: «В два месяца научилась читать и писать. Жить стало веселей. Читаю газеты и журналы. Хотела бы, чтобы все неграмотные женщины пошли по моим следам» [25, с. 16]. Образ советской гражданки обязательно подразумевал образованность, которая была способна поднять женщину на более высокую ступень развития и дать ей новые возможности (даже если эта образованность выражалась в умении держать карандаш и писать свое имя и выработку).

Дело в том, что грамотность являлась необходимым условием для того, чтобы женщина получила работу на производстве и имела возможность повышения. Редакцией журнала периодически публиковались истории о женщинах, твердо решивших изменить свое положение и отстоять полученное рабочее место на производстве « – Запиши, – говорит, – в школу, хочу учиться. – Тебе учиться, что корове седло одевать, с ума сошла на старости лет. Не смутила воркотня старухи. Научилась работница выработку записывать» [19, с. 16].

Вторая причина, мотивирующая женщин окончить курсы ликбеза, – это престижность посещения собраний, подписок на журналы и участия в общественной жизни. Все перечисленные выше явления, наряду с изменившимся внешним видом («сняли чепцы»), являлись зримыми атрибутами причастности женщины к «новой жизни».

Кроме того, грамотность и минимальный уровень образования должны были объяснить работницам несостоятельность института церкви. Обобщая содержание нескольких публикаций, можно заметить, что образованная женщина обязательно **выходила из-под влияния религии и церковных пережитков**: «Великий Октябрь открыл мне глаза. Советую всем неграмотным учиться. Долой религиозный дурман, да здравствует наука!» [18, с. 18] Иногда эта эмансипация сопровождалась демонстративными жестами: «И вот прямо со схода пришли в церковь колхозницы. Сняли иконы, сложили их на площади и подожгли. Сухие иконы горели жарко» [6, с. 5]. Религиозность преподносилась как признак отсталости, от которого женщины стремились избавиться сами и избавить своих родных и близких. «Сестра моя до сих пор находилась под влиянием попов... когда пришли (в церковь. – Е. Б.), обнаружили всего восемь старух. Тогда я позвала свою сестру в народный дом железнодорожников. Народу было много. От союза воинствующих безбожников выступил т. Логинов (далее следует подробное описание оваций выступающему и оживленности в рядах слушателей. – Е. Б.). Сумела я на деле доказать сестре близкую гибель религии» [14, с. 16].

Следующим освобождением, подаренным женщине советской властью, было **освобождение от домашнего деспотизма.** Письма читательниц, отобранные (или даже стилизованные) редакцией «Работницы», позволяют увидеть, как могло выглядеть освобождение от семейного гнета: «...состоялся у нас с мужем суд, дали нам развод, а мужа заставили платить на содержание детей. Вся наша жизнь преобразилась, и я сама почувствовала себя человеком!» [17, с. 12]. Героиня реализовала практически свое равноправие с мужчиной – ранее угнетавшим ее мужем. И, как следствие, это повлекло за собой смену ее деятельности – женщина начала самостоятельно обеспечивать себя и, конечно, вести активную политическую жизнь: «Я не сижу сложа руки: подрабатываю стиркой белья и взялась за общественную работу» [17, с. 12].

В судьбе тех, кто остались при муже, сохранив традиционную семью, тоже заметны перемены. Корреспондентки «Работницы» стали настаивать на пересмотре распределения домашних обязанностей. Статьи под заголовками, подобными «Рабочим надо помочь своим женам», сопровождаются карикатурными иллюстрациями, облачающими тяжкий быт женщины. «Муж свободное время отдает своему развитию, а жена до седьмого пота работает дома. Ей вздохнуть некогда, а не то что думать о каком-либо развлечении или общественной работе... Этому необходимо положить конец. Ведь жена не только рабочая сила, но и товарищ своему мужу» [23, с. 17]. Иногда это заканчивалось победой над домашними тиранами – «...мужчины... обещали сидеть с ребятами, чтобы освободить жен для общественной работы» [15, с. 16].

Советская пропаганда настойчиво внедряла в сознание женщин сценарии **освобождения от «кухонного рабства».** Государство проектировало для работниц целую систему

предприятий, облегчающих быт. Предполагалось, что свободная женщина могла не стоять у плиты, а пообедать в столовой – и даже взять с собой ужин. Также работницы могли воспользоваться прачечными. А самое главное – отдать своего ребенка в ясли или детский сад.

Кардинальные изменения не могли не отразиться на внешнем образе женщины. Идеально-абсурдный портрет работницы воспет в стихотворении Н. Лебедева-Кургана, опубликованном в одном из номеров журнала:

*Легли года основной в волоса.
Года на ней, как хлопок, побелели.
Ее любовь – станок да корпуса,
Гудок фабричный – ласковой свирели [20, с. 14].*

В данном стихотворении «поэтично» описано, что советская женщина – это прежде всего это та, «кто идёт в ногу с темпами развития... социалистической страны, что овладевает знаниями, опытом, накопленными всем человечеством, что есть стремится стать достойным гражданином социалистического общества» [9, с. 3]. И уж ни в коем случае она не относится к тем «девушк[ам]-работниц[ам], (которые. – Е. Б.) культуру и красоту видят в накрашенных губах, подбритых бровях, шестимесячной завивке “перманент”, маникюре, в платье клеш до полу, в берете набекрень!» [9, с. 3]. Советская женщина – это та, кто готов не на словах, а на деле посвятить свою жизнь трудовому коллективу и развитию производства. Такая работница не страшится трудностей – наоборот, трудности ее вдохновляют и заставляют работать еще интенсивней: «Чем чаще сталкивалась я с трудностями, тем сильнее хотелось мне преодолеть их» [11, с. 11].

Подведем итог. Интерпретация журнального дискурса показывает, что советская женщина – это прежде всего публичная женщина в хорошем смысле этого слова: делегатка, работница, посетительница собраний и библиотек, член партийной ячейки, т. е. активный социальный индивид, освобожденный от угнетения и предрассудков прошлого. Она трудится на благо людей, которые помогли ей почувствовать себя «человеком» и важной частью коллектива. Таким образом, власть, через журнальные публикации, стремилась сконструировать культурные нормы, следование которым устанавливало новый гендерный порядок в рамках существующего политического режима.

Список литературы

1. Анилов А. Выписал журнал для жены // Работница. 1930. № 37. С. 18.
2. Анчарова М. Рапорт домохозяйек // Работница. 1930. № 9–10. С. 23.
3. Артюхина А. Ликвидировать свою безграмотность и научить других // Работница. 1931. № 20. С. 16.
4. Банникова В родной семье // Работница. 1930. № 8. С. 12.
5. Блинова К. Кто же, наконец, заглянет к нам? // Работница. 1930. № 12. С. 5.
6. Блинова К. На борьбу за социалистическую деревню // Работница. 1930. № 11. С. 5.
7. Бушмаков А.т.В. Представления о семье и браке провинциальных горожан в России конца XIX начала XX в. // Вестник ПГИИК. 2007. № 5. С. 34–45.
8. Быкова К. Как работает Ярцевская Краснознаменная // Работница. 1930. № 9–10. С. 12.
9. Васильева Т. К вопросу о молодежи // Работница. 1935. № 21. С. 3.
10. Всем напоказ // Работница. 1930. № 9–10. С. 26.
11. Вяткина Орден Трудового Красного Знамени получила я за свою работу // Работница. 1935. № 5–6. С. 11.
12. Гаген-Торн Н. И. Женские и девичьи головные уборы // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/gagen-torn1960/
13. Градскова Ю. Культурность, гигиена и гендер: советизация «материнства» в России в 1920–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2007. С. 243–261.
14. Дербина Доказала на деле // Работница. 1930. № 5. С. 16.
15. Дерябина Л. За новый быт. Бросают старинные обряды // Работница. 1930. № 4. С. 17.
16. Донская Д. К свету // Работница. 1925. № 13. С. 18–19.
17. Ильина М. Старый быт надо бить! // Работница. 1930. № 4. С. 12–13.
18. Калиберда Х. Уже сама читаю работницу // Работница. 1925. № 14. С. 18.
19. Корзина М. За грамоту. Старость учебе не помеха // Работница. 1930. № 4. С. 16.
20. Лебедев-Курган Н. Ударница // Работница. 1930. № 4. С. 14.
21. Лобачева А. Старый быт надо бить! // Работница. 1930. № 4. С. 12.

22. Минеева Рапорт домохозяйек // Работница. 1930. № 9–10. С. 23.
23. Рабочим надо помочь своим женам // Работница. 1930. № 13. С. 17.
24. Фридрих Рапорт Домохозяйек // Работница. 1930. № 9–10. С. 23.
25. Шаврина М. За грамоту. Грамотной жить веселей // Работница. 1930. № 4. С. 16.
26. Яншин М. Делегатка // Работница. 1925. № 13. С. 3.

Formation of the image of Soviet women in the 20–30-ies XX century. (based on the publications of the magazine «Workwoman (Rabotnica)»)

E. V. Bolotova

post-graduate student of the Department of Cultural studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0001-5506-7892. E-mail: pineapples.in.champagne@gmail.com

Abstract. The article uses a gender approach to the study of the new "Soviet man". It's about the power of the Soviet model of women in national journalism of the 1920s – 1930s. Robert Stoller and Simone de Beauvoir are the founders of the gender approach. The works of E. R. Yarskaya-Smirnova and N. L. Pushkareva are particularly important in modern Russian reality. The conceptual approaches of these authors became the methodological basis of the study. The author of the article believes that gender aspects of ideological images formed by agitation and propaganda in the 1920s and 1930s is needed to consider in more detail. In particular, the focus is the genesis and evolution of the "real Soviet woman" image in journal publications. Historical sources of this study is articles from the «Rabotnitsa» magazine from 1925 to 1935, one of the most popular periodical magazines of those time. This edition described in detail the topics related to the women's life in the post-revolutionary period, when the main elements of the Stalinist authoritarian system took shape, when cultural and stylistic features of the Soviet way of life were developed. The magazine discourse interpretation shows a Soviet woman is first of all a public woman in the good way: a delegate, a worker, a visitor of party rallies and libraries, a member of the party cell, i.e. active social individual, freed from oppression and prejudices of the past. She works to other people's benefit who have made her feel like a human being and an important part of the Soviet society. Thus, Soviet authority sought to construct a cultural norm through magazine publications. It is this new cultural norm should established new gender norms within existing political regime.

Keywords: Soviet history, gender, government's model, woman-worker, propaganda literature.

References

1. Anilov A. *Vypisal zhurnal dlya zheny* [Wrote a magazine for the wife] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 37, p. 18.
2. Ancharova M. *Raport domochozyaek* [Report of housewives] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 23.
3. Artyuhina A. *Likvidirovat' svoyu bezgramotnost' i nauchit' drugih* [To eliminate her illiteracy and teach others] // *Rabotnica – Workwoman*. 1931, No. 20, p. 16.
4. Bannikova V *rodnoj sem'e* [In the native family] // *Rabotnica -Workwoman*. 1930, No. 8, p. 12.
5. Blinova K. *Kto zhe, nakonec, zaglyanet k nam?* [Who will finally visit us?] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 12, p. 5.
6. Blinova K. *Na bor'bu za socialisticheskuyu derevnyu* [To fight for the socialist village] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 11, p. 5.
7. Bushmakov A. *tV. Predstavleniya o sem'e i brake provincial'nyh gorozhan v Rossii konca XIX nachala XX v.* [Ideas about the family and marriage of provincial citizens in Russia of late XIX – early XX century] // *Vestnik PGIK – Herald of PSIHС*. 2007, No. 5, pp. 34–45.
8. Bykova K. *Kak rabotaet YArcevsкая Krasnoznamennaya* [How does Yartsevskaya Red Banner work] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 12.
9. Vasil'eva T. *K voprosu o molodezhi* [To the question of youth] // *Rabotnica – Workwoman*. 1935, No. 21, p. 3.
10. *Vsem napokaz – For everybody for show* // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 26.
11. *Vyatkina Orden Trudovogo Krasnogo Znameni poluchila ya za svoyu rabotu* [I received Order of the Red Banner of Labor for my work] // *Rabotnica – Workwoman*. 1935, № 5–6, p. 11.
12. Gagen-Thorn N. I. *ZHenskie i devich'i golovnye ubory* [Women's and maiden headdresses] // *EHlektronnaya biblioteka Muzeya antropologii i ehtnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN – Electronic library of the Museum of anthropology and ethnography n.a. Peter the Great (Kunstkamera) RAS*. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/gagen-torn1960/

13. Gradszkova YU. *Kul'turnost', gigiena i gender: sovetizaciya «materinstva» v Rossii v 1920–1930-e gody* [Culture, hygiene and gender: the Sovietization of «motherhood" in Russia in the 1920s-1930s] // *Sovetskaya social'naya politika 1920–1930-h godov: ideologiya i povsednevnost'* – Soviet social policy of the 1920s–1930s: ideology and everyday life / ed. P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. M. OOO "Variant": CSPI. 2007. Pp. 243–261.
14. *Derbina Dokazala na dele* [Has proven in fact] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 5, p. 16.
15. *Deryabina L. Za novyj byt. Brosayut starinnye obryady* [For a new life. Throw ancient rites] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 4, p. 17.
16. *Donskaya D. K svetu* [To the light] // *Rabotnica – Workwoman*. 1925, No. 13, pp. 18–19.
17. *Il'ina M. Staryj byt nado bit'!* [Old life have to be beaten!] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930. No. 4. P. 12–13.
18. *Kaliberda H. Uzhe sama chitayu rabotnicu* [I read «Workwoman» myself already] // *Rabotnica – Workwoman*. 1925. No. 14. P. 18.
19. *Korzina M. Za gramotu. Starost' uchebe ne pomekha* [For reading and writing. Old age is not a hindrance to study] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 4, p. 16.
20. *Lebedev-Kurgan N. Udarnica* [Shock-workwoman] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 4, p. 14.
21. *Lobacheva A. Staryj byt nado bit'!* [Old life have to be beaten!] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 4, p. 12.
22. *Mineeva Raport domohozyaek* [Report of housewives] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 23.
23. *Rabochim nado pomoch' svoim zhenam* – Workers need to help their wives // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 13, p. 17.
24. *Fridrih Raport Domohozyaek* [Report of housewives] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 9–10, p. 23.
25. *SHavrina M. Za gramotu. Gramotnoj zhit' veselej* [For the literacy. Competent is happier to live] // *Rabotnica – Workwoman*. 1930, No. 4, p. 16.
26. *YAnshin M. Delegatka* [Delegate] // *Rabotnica – Workwoman*. 1925, No. 13, p. 3.